

Похоже, он как раз собирался подняться наверх, и кто бы мог подумать, что они столкнутся именно здесь — в таком тесном месте. Лэй Тяньвэй невольно отступил на шаг назад, подняв коробку повыше, чтобы спрятать за ней лицо.

Дело было вовсе не в трусости, просто выражение лица этого самого Пэй Чэна сейчас казалось... не слишком приветливым.

— Это что еще такое? — Пэй Чэн прямо из коробки, которая была набита подарками так, что крышка не закрывалась, выудил один сверток. Он некоторое время изучал упаковочную бумагу, сплошь усеянную изображениями сердечек, после чего медленно произвел: — Ах да, сегодня же четырнадцатое февраля... Ты получил столько подарков? Впечатляет.

— Я не просил мне их дарить. На тех, что лежали на моем столе, нет имен, я не знаю, кому возвращать. Собираюсь оставить их в кабинете команды, домой точно не понесу.

Лэй Тяньвэй в изумлении выглянул из-за коробки, бросив короткий взгляд на Фан Боцяо. Он впервые слышал, чтобы капитан говорил так быстро.

Но зачем капитану отчитываться перед этим Пэй Чэном?.. Внезапно поймав на себе острый взгляд, Лэй Тяньвэй поспешно спрятался обратно. В следующий миг его руки опустели — кто-то бесцеремонно выхватил у него коробку.

— Проваливай.

Лицо, холодное, как и сам голос, оказалось совсем рядом, безо всяких преград. Его... сердце не выдержит такого удара!

Фан Боцяо вздохнул и с виноватым видом обратился к побленевшему Лэй Тяньвэю:

— Тяньвэй, иди домой. А вещи... пусть он поможет мне донести.

Он и подумать не мог, что Пэй не в классе, и зря сделал крюк. Вокруг полно студентов, он не хотел лишних проблем.

— О, о! — пробормотал Лэй Тяньвэй, развернулся и поспешил скрыться. В глубине души его восхищение капитаном, способным быть «другом» такого человека, как Пэй Чэн, стало еще сильнее.

— Если хоть одну из этих вещей ты осмелишься использовать, я сожгу их все до единой.

Когда назойливый тип ушел, Пэй Чэн сорвал бумагу с сердечками и уставился на вязаный шарф со сложным узором, прищуриив холодные глаза. Было очевидно, сколько сил и чувств

вложил в него тот, кто это вязал.

— Я не буду им пользоваться. — Фан Боцяо опустил взгляд. Пэй Чэн лишь холодно хмыкнул и забрал у него из рук остальные вещи. Теперь, идя рядом с мужчиной, который в одиночку нес абсолютно всё и при этом двигался так, будто груза вовсе не было, он тихо добавил: — Я не могу ответить на такие чувства... поэтому ни за что не притронусь к этому.

— погоди, стой! Я не...

Еще не отошедший от недавней близости, едва удерживающий сознание Фан Боцяо внезапно почувствовал, как его тело переворачивают. Набухшая от желания плоть вновь уперлась в то самое место, которое и так уже было на пределе, и от ужаса он мгновенно протрезвел.

Слова протеста едва успели сорваться с губ, как мощный толчок грубо оборвал их.

— А-а... — Тело сотрясали резкие рывки, и в помутненном сознании он из последних сил вцепился в простыни, пытаясь хоть немного удержать равновесие. Если этого не сделать, казалось, его разорвет на куски, и он утонет в бушующем потоке чужого вожделения.

— Полегче... — нахмурился он, с трудом выдавливая слова сквозь стоны. Для мужчины за его спиной этот едва слышный, прерывистый голос звучал как сладостное приглашение.

— Что? — Еще один глубокий толчок. Пэй Чэн прижался к гладкой коже на затылке и, лизнув подрагивающую мочку уха, намеренно произнес: — Хочешь, чтобы я был грубее?

— Нет, не так... — Фан Боцяо в испуге попытался обернуться, чтобы возразить, но в этот момент его сильно укусили за шею. От неожиданности он весь напрягся, и тут же рядом услышал сдавленный рык мужчины.

Проклятье... Его лицо вспыхнуло, он понял, что всё плохо: мышцы внизу, которые он не мог контролировать, начали судорожно сжиматься. Дыхание, опалявшее ухо, становилось всё тяжелее. Он зажмурился, уткнувшись лицом в постель, и пальцы, сжимавшие простыню, продолжали мелко дрожать.

— Похоже, здесь ты куда честнее своего хозяина... Так крепко сжимаешь, еще и пульсируешь, будто тебе всё мало... — Пэй Чэн добавил еще один палец, растягивая плотный проход, и — в полном противоречии с его злой усмешкой — на лбу у него вздулись вены. — Ты меня до смерти доведешь. Разве хозяин не учил тебя, что даже если очень хочется, нельзя играть с такими опасными вещами?

— Ты... мерзавец!

Откровенные речи Пэя, не знающие в постели никаких табу, порой ранили и унижали сильнее,

чем самые безумные ласки. Но Фан Боцяо успел лишь выкрикнуть это ругательство, как его тут же подхватили на руки, грубо развели в стороны ослабевшие ноги, и шторм яростной атаки вновь поглотил его.

Значит, всё еще злится... В тот момент, когда тьма начала заволакивать глаза, а мозг окончательно отключился — чего с ним не случилось уже давно, — в голове промелькнула лишь эта единственная мысль.

Когда Фан Боцяо очнулся, он уже лежал в знакомой большой ванне. Все тело ныло, словно его разобрали по частям и собрали заново. Теплая вода немного уняла боль. Он с трудом опустил голову, глядя на часы, и в изумлении приподнялся.

— Мне пора возвращаться.

Хотя он и предупреждал, что задержится, в такое время мать наверняка уже волнуется.

Виновник его состояния, прислонившись к краю ванны, наблюдал за ним. Увидев, что Фан Боцяо пытается встать, он протянул руку, обхватил его и без труда вытянул из воды.

Фан Боцяо хотел было вырваться, но его ноги были совершенно ватными — это был неоспоримый факт. Он поднял глаза, желая испепелить того взглядом, но случайно заметил в зеркале рядом с собой несколько ярко-алых пятен на своей шее.

Это еще что... Он вздрогнул и инстинктивно прикрыл их рукой.

Как это могло быть настолько заметно? Это был даже не укус, а самый настоящий засос, который не сойдет еще долго... Неужели это произошло, пока он был без сознания?

— Что ты творишь? Ты же знаешь, что формой это не прикрыть! — Он уже не раз говорил об этом, а этот тип всё равно...

Пэй Чэн лишь лениво взглянул на него. На сей раз спокойным из них двоих был именно он.

— Если форма не прикрывает, не надевай её. Какая разница, если другие увидят? Можешь завтра заявиться так в школу и показать той толпе глупых девиц во всей красе.

— Ты... — Фан Боцяо в невероятном шоке распахнул глаза. — ...Меньше болтай чепухи! — после долгого молчания с трудом выдавил он, чувствуя, как щеки заливают румянец. Пэй Чэн хмыкнул, уложил его на кровать и внезапно вышел из комнаты.

Фан Боцяо замер, не понимая, что тот задумал. Вдохнув, он, поскольку ноги всё еще не слушались, потянулся с кровати к разбросанной повсюду школьной форме, чтобы одеться, как

вдруг перед глазами потемнело — что-то мягкое упало ему на лицо.

Через несколько секунд он осознал, что это одежда.

— Не дергайся, руки подними. — Пэй Чэн грубо протолкнул его сопротивляющиеся руки в рукава, одернул свитер и поправил воротник.

Это был молочно-белый свитер с высоким горлом. Размер оказался в самый раз.

— Теперь шею не видно? Там еще несколько штук, возьми их все. — Он кивнул на край кровати.

— ...

Фан Боцяо некоторое время смотрел на себя, а затем перевел взгляд на те самые свитера, которые вдруг взялись ниоткуда. Разные цвета и фасоны, но все объединяло одно — высокий воротник. Он взял один из них в руки и продолжил молчать.

— Чего молчишь, есть претензии? — Пэй Чэн недовольно хмыкнул. — Или наденешь только в том случае, если я сам их свяжу?

Фан Боцяо с удивлением посмотрел на него. Резкий тон мужчины и гнев, читавшийся в глазах, заставили его снова покраснеть.

— Я этого не говорил. — Помолчав, он опустил взгляд: — Спасибо. Это всё ты купил? Мне... трудно в это поверить.

Он ничего не смыслил в брендах, но понимал, что такая одежда не может стоить дешево. Впрочем, зная, что все ценники были предусмотрительно удалены, он понял: спрашивать бесполезно.

На самом деле, если бы Фан Боцяо хоть немного разбирался в моде, он бы понял, что цена каждого такого свитера равна месячному доходу обычной семьи. Для него это была немыслимая сумма, не говоря уже о том, чтобы носить вещи такой баснословной стоимости.

— А что тут такого немыслимого? Если не я купил, то кто еще? — Пэй Чэн внимательно оглядел его. — Я в магазине сразу заприметил этот свитер, и не ошибся — на тебе он смотрится отлично... Ну, теперь-то, когда я захочу тебя поцеловать, у тебя не будет претензий?

Уши Фан Боцяо от этих слов покраснели еще сильнее.

— Не забывай, у нас ведь чемпионат по баскетболу. — тихо сказал он. В холодную погоду можно надеть свитер поверх формы, но на игре разрешалась только игровая майка.

Пэй Чэн нахмурился, как будто действительно об этом не подумал.

— Хм, хочешь сказать, что всё, что я купил, — зря?

К тому времени, как закончится этот проклятый финал, погода уже потеплеет. Фан Боцяо покачал головой:

— Я буду их носить. Сейчас часто бывают холодные фронты, теплой одежды не хватает... Твой подарок пришелся очень кстати, правда.

Видя, что Пэй всё еще выглядит недовольным, он тихо вздохнул. Ну что за человек... Подумав немного, он опустился на колени на кровати, подался вперед и прошептал ему на ухо:

— Прости... Я не подготовил тебе подарок. Ты чего-нибудь хочешь?

Холодные глаза смотрели в ответ, взгляд становился всё глубже, но мужчина молчал. Фан Боцяо набрал в легкие воздуха, придвинулся еще ближе и слегка коснулся своими подрагивающими губами его плотно сжатых губ. Раз, другой.

— ...С днем святого Валентина.

Тихий, почти комариный писк был тут же поглощен яростным, требовательным поцелуем.

Этот «маленький» жест привел к тому, что время, на которое он планировал вернуться домой, отложилось еще на час. Чего он, разумеется, никак не ожидал.

Дневник безответной любви, дополнительная глава

15 февраля Наконец-то начинается долгожданное занятие по анатомии. Говорят, препарировать тела мы будем втроем — по одному человеку из классов А, Б и В. Интересно, с кем я окажусь в одной группе? Надеюсь, не с теми, кто совсем ничего не делает...

16 февраля

Сегодня многие одноклассники подходили, чтобы поздравить меня, а на их лицах читалась зависть. Помилуйте, и что с того, что в группе по анатомии я оказалась с «ним»? В мужчинах важна не внешность, а внутренний мир. К тому же шок от первого соприкосновения с телом сегодня был настолько сильным, что у меня просто не было настроения разглядывать, как именно «он» выглядит, раз уж Сяо Энь и остальные так безумно по нему сохнут...

Ладно уж! Признаю, кое-что краем глаза я все-таки заметила! Хотя глаза слезились от паров формалина и открывать их было почти невозможно, я все же постаралась как следует его разглядеть — как-никак, будущий согруппник. Телосложение у него оказалось на удивление хрупким, и он ни капельки не походил на человека, который, если верить слухам, был капитаном команды-чемпиона школьной баскетбольной лиги. Кто бы мог подумать, что когда они вместе с другими парнями поднимали тело из подвального чана с формалином, у него хватит на это сил — он оказался куда полезнее тех рослых ребят с показной мускулатурой.

Я по-настоящему испугалась только тогда, когда он повернулся ко мне лицом. Хм... даже не знаю, как и сказать. Короче говоря, я была в полном шоке... Никогда бы не подумала, что парень может выглядеть настолько красиво и при этом начисто быть лишенным всякой слащавости. В следующий раз присмотрюсь к нему поближе, а то вдруг он из тех, кем можно любоваться только издалека...

20 февраля

Факты доказали, что я ошибалась. К счастью, по правилам нашего практикума по анатомии надевать маски запрещено, и у меня появилась возможность рассмотреть «его» лицо с невероятно близкого расстояния. Это просто ужасно ><. Черты его лица настолько идеальны, будто он — сотворенное Микеланджело произведение искусства, а кожа и волосы просто великолепны, не видно ни единой поры... Мне от этого даже стало как-то не по себе.

Хотя те самые всеобщие любимцы и признанные красавцы никогда не были в моем вкусе, я вынуждена признать: «он» и вправду хорош, донельзя хорош...

27 февраля

Сегодня препарировать предстояло нашей группе. Парень из класса Б оказался совершенным ничтожеством, но я от него не сильно отставала. Стоило столкнуться с телом лицом к лицу, как все прочитанные заранее книги вмиг вылетели из головы. Стоило взять в руки скальпель, как я совершенно растерялась и не понимала, с чего начать, а руки так дрожали, что не удавалось сделать даже ровный надрез. К счастью, «он» пришел на помощь... До чего же он хорош! Хотя делал это впервые, его движения оказались куда более уверенными, чем у ассистента преподавателя. Он в два счета отделил нужные группы мышц, кровеносные сосуды, нервы и все прочее, да так быстро, что даже стоявшая рядом профессор осыпала его похвалами, заявив, что он прирожденный врач!

Не знаю почему, но когда его хвалили, мне самой стало так радостно. Странно ведь, меня это вообще не касается! Я всего лишь бесполезный паразит, который только тянет его на дно... Ох...

12 марта

Я знаю, что делаю глупость. Специально завела блокнотик, чтобы записывать каждое сказанное им мне слово во время практических занятий... Зачем же я занимаюсь такой чепухой, которой стыдятся даже ученицы младших классов?

Говорят, его родители — врачи, причем заведующие отделениями в крупных больницах. Неужели удивительно, что почти каждый из именитых и опытных медиков, которых школа нанимает для ведения наших занятий, знаком с ним? На форумах всегда полно публикаций о нем: например, о том, что он снова получил стипендию за успехи в учебе, что баскетбольная команда, в которой он играет, вновь одержала победу, что очередной заумный конспект отдали на проверку именно ему и что за ним то и дело приезжает невиданная доселе роскошная иномарка, чтобы отвезти его на занятия или забрать домой...

Благодаря его участию в школьной лиге у него даже появился собственный фан-сайт (говорят, сам он об этом ни сном ни духом), и я тайком записала всю ту информацию, которую с таким трудом кропотливо собирали многочисленные фанатки...

Дистанция между нами огромна, невообразимо огромна. А я — такая дура, просто невыносимая дура.

19 марта

Совсем перестала понимать, что творится у меня в голове. Неужели можно вот так легко в кого-то влюбиться? Парень типаж всеобщего любимца, идеальный до такой степени, что к нему не подкопаешься, — ну совсем не тот человек, который мог бы мне понравиться! И дело вовсе не в том, насколько он красив, как хорош собой или из какой он знатной семьи — ведь искреннее чувство вызывает явно что-то совершенно другое...

Чем дольше я состою с ним в одной группе по практической анатомии, тем сильнее ощущаю, какое он странное создание. Студентов (желающих) много, а преподаватель (его внимание) один. Когда вскрытие подходит к концу и толпа принимается наперебой толкаться и тесниться вокруг тела, чтобы послушать объяснения преподавателя, он никогда ни с кем не соперничает. Ему не свойственно ни хитростью пробиваться вперед, гордо занимая выгодное место, ни с досадой жаться на галёрке, безуспешно пытаясь выглянуть из-за чужих спин и протиснуться сквозь толкучку. В худшем случае он просто тихонько стоит в сторонке, прислушиваясь со сосредоточенным выражением лица. Исходящее от него ощущение невозмутимости так разительно отличает его от этой суетливой и взбудораженной толпы, будто они принадлежат к двум совершенно разным мирам. Когда толпа шумных студентов, громко спорящих и рассуждающих, наконец наговорила и соизволила освободить место у следующего учебного пособия, он молча подошёл ближе, сжимая в руке пинцет. Наклонившись, он сначала бережно вернул на место ткани, которые до этого были перевернуты и изуродованы, а затем осторожно отодвинул их, чтобы рассмотреть всё самому. Он внимательно изучал структуру, стараясь во всём разобраться, и лишь изредка обменивался парой фраз с кем-то из знакомых однокурсников.

Он — самый нежный человек из всех, кого я когда-либо видел, по отношению к нашим учителям-телам...

26 марта

Стали известны результаты первого промежуточного экзамена по анатомии. Как и ожидалось, у него высший балл, а у меня — второй. Это результат целой недели бессонных ночей, проведённых за учебниками. Все мои друзья были в шоке, а Сяо Энь даже прищурился и

заявил, что я просто ослеплён вожделением. Мне было нечего возразить...

Но его отношение ко мне ничуть не изменилось. Я не знаю, что нужно сделать, чтобы он посмотрел на меня иначе. Я правда не знаю...

2 апреля

У меня на руках два билета на нашумевшую передвижную выставку Тела мира. Несмотря на то, что мероприятие довольно спорное, я уверен, что ему было бы интересно. Однако до самых весенних каникул мне так и не хватило смелости пригласить его.

Завтра суббота, последний день, и я уже решил пойти туда с младшей сестрой, которая всё уши прожужжала о том, как хочет расширить кругозор.

3 апреля, 6:00

Фан Боцяо уже привык просыпаться в тепле, свернувшись калачиком в чьих-то объятиях.

Раньше он спал строго по стойке смирно: лежал на спине, сложив руки на животе — привычка, которая осталась у него с самого детства. Но кто бы мог подумать, что, даже засыпая в одиночестве, он не сможет избавиться от привычки лежать, свернувшись на боку, хотя одеяло, которое он обнимал, не хранило никакого тепла, кроме его собственного.

Мужчина, обнимающий его, хотя и просыпался всегда раньше, продолжал лежать неподвижно, ожидая, пока Фан Боцяо откроет глаза. А дальше всё зависело от времени и ситуации: иногда они просто лежали, иногда обменивались глубоким поцелуем, а порой мужчина, пользуясь тем, что сознание Фан Боцяо ещё затуманено, раздвигал ему ноги и входил в него, ещё до конца не проснувшегося, заставляя окончательно прийти в себя от захлёстывающего жара и ритмичных толчков. К тому моменту, как Фан Боцяо добирался до кухни, чтобы готовить завтрак, его ноги всё ещё были мягкими, как вата.

...В этот раз всё происходило по третьему сценарию.

Он открыл глаза, тяжело дыша, чувствуя, как его внутренности словно сжимаются под невыносимым давлением. Ноги были согнуты и прижаты к груди, руки обвивали шею мужчины, а тело было полностью открыто для притязаний. В душе невольно закипало лёгкое раздражение.

Сжав правую руку в кулак, он в знак недовольства ударил мужчину по лопатке, но в ответ получил лишь более резкий толчок. Фан Боцяо судорожно вдохнул, и его ногти, впившиеся в мышцы спины мужчины, невольно вонзились глубже, оставив несколько красных полос, а то, что было скрыто внутри него, вновь пришло в яростное движение.

— Пэй...! — он не мог вымолвить ни слова, лишь бросил на него сердитый взгляд, одними губами пытаясь выразить протест.

Пэй Чэн лишь лениво усмехнулся и внезапно прильнул к его губам, не обращая внимания на кулаки, которые продолжали царапать и бить его по спине. Он подхватил ладонями дрожащие бёдра Фан Боцяо, всадил себя ещё глубже и без всякого стеснения принялся двигаться с прежней силой.

Его тело, беспомощно раскачиваясь под не знающими меры ударами, напоминало лодку, которую швыряет из стороны в сторону бурными волнами. Фан Боцяо хотел попросить его быть нежнее, ведь сегодня нужно было выходить из дома, но его губы были заняты, и он не мог издать ни звука. Даже когда в конце концов его отпустили, он был уже в таком состоянии, что не мог выговорить ничего, кроме стонов.

Смутно вспоминая планы на день, которые вот-вот должны были вылететь из головы, он в порыве страсти вместе с мужчиной, чьи руки крепко сжимали его, достиг пика наслаждения.

Пэй был крайне привередлив в еде, почти до невозможного.

Возможно, это было связано с тем, в каких условиях он рос. Но Фан Боцяо думал, что даже если бы Пэй не родился в богатой семье, он всё равно остался бы таким же сложным в уходе ребёнком. Почему при всём этом он умудрился вырасти таким высоким, оставалось для него загадкой.

Положив салат, картофельное пюре и ветчину в поджаренную булочку для сэндвича, он занялся остатками фруктов, смешав их в салат. В этот момент шум воды в душе стих. Фан Боцяо поставил завтрак на стол и не удержался — присел, чтобы немного передохнуть, массируя ноющие ноги. Когда силы хоть немного вернулись, он встал, достал из холодильника минеральную воду и молоко, налил по стакану.

Только на завтрак список продуктов, которые Пэй не ест, мог занять три страницы. Из напитков он не употреблял ни молоко, ни соки, ни чай, ни даже кофе — только ледяную минеральную воду определённой марки. Он не ел майонез, кетчуп и другие соусы, яйца признавал только варёные, овощи и фрукты — только свежайшие, да и выбор доступных видов был крайне мал.

В целом, вкусы Пэя тяготели к американской и японской кухне, в то время как Фан Боцяо вырос на китайских завтраках. Однако он не был привередлив, поэтому с тех пор, как они стали жить вместе, чаще всего уступать приходилось именно ему.

Когда он только поступил в университет, то решил поселиться в общежитии, так как дом был далеко, и возвращался к родным только на выходные.

<http://bllate.org/book/21140/2144097>